

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Георгий САВИЦКИЙ

ПОЗЫВНОЙ «ВОЛКОДАВ»

Военно-историческая фантастика

Георгий Савицкий
Позывной «Волкодав»

«Махров»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Савицкий Г. В.

Позывной «Волкодав» / Г. В. Савицкий — «Махров»,
2018 — (Военно-историческая фантастика)

ISBN 978-5-04-092588-9

Во время операции по захвату в Донецке террористов из «нацбата» Виктор Ракитин, спецназовец Госбезопасности ДНР, подрывается на мине, но его сознание переносится на 80 лет назад, в самый разгар боев за город Сталино. Виктору привычны война и борьба с вражескими диверсантами, но в 1941 году обстановка на фронте гораздо более суровая, а враг - злей и беспощадней. От Сталино до Сталинграда пройдет с боями Ракитин, ставший лейтенантом войск НКВД. Виктор ставит себе цель - не просто дожить до Победы, а добраться до предков современных бандеровцев и выжечь их лесные схроны.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092588-9

© Савицкий Г. В., 2018
© Махров, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	26
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Георгий Савицкий

Позывной «Волкодав»

© Савицкий Г. В., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

«Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов...»

Из выступления И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 года.

Пролог

– А что бы ты сделал, если бы сам попал в годы Великой Отечественной войны?

– Бандеровцам бы глотки грыз! – ответил на подначку боевого товарища крепкий парень лет двадцати пяти.

Среднего роста, с ничем не примечательной внешностью, он сосредоточенно чистил автомат Калашникова. Особые неприятности доставлял газовый поршень, который соединялся штоком с затвором и обеспечивал работу автоматики. После длительной стрельбы на газовом поршне образовывался нагар, и чистить его нужно было тщательно и аккуратно – до зеркального блеска.

– Тебя бы бандеровцы, наверное, за своего приняли. Ты же постоянно о них читаешь, всякие интересные факты находишь...

– Познай своего врага!.. – парировал боец. – Вот закончится война на Донбассе – буду защищать диссертацию по истории противостояния спецслужб СССР и украинского националистического подполья.

– Слушай, Студент, это потому тебя к нам в МГБ взяли?

– Нет, я еще в Славянске успел повоевать. У нас там был один из замов Стрелкова – с позывным Чапай. Вот с ним вместе мы дела и делали... Потом Стрелков его назначил комендантом Донецка, это как раз летом 2014 года. Ну а меня направили в комендантскую роту. Времена были – сами знаете. Неразбериха, корректировщики эти долбанные «маячки» разбрасывали, по которым потом была украинская артиллерия. Мы и диверсантов из «Правого сектора»¹ ловили, и перестрелки были!.. Это уже потом я в штурмовое подразделение МГБ перевелся. А пятый курс своего истфака так и не окончил...

В «оружейку» заглянул командир.

– Заканчивайте трепаться. Сегодня вечером нужно будет выехать, проверить ориентировку по одному адресу.

– Есть, товарищ капитан.

* * *

На одной из улиц в Ленинском районе Донецка постоянно протекал водопровод. Сколько жильцы ни писали жалоб, а толку не было – всегда находились проблемы поважнее. Но вот в последние дня три и сюда добралась ремонтная бригада на выдавшем виды «зилке» с желто-красным фургоном и надписью «Горводоканал». Угрюмые небритые мужики в грязно-оранжевых жилетах, матерясь через слово, взялись за работу. Сначала, как водится, экскаватор разрыл приличных размеров ямину, и проехать по улице стало просто невозможно. Загремели увесистые газовые ключи, зашипела горелка, вырезая поврежденный участок водопроводной трубы. Работа продвигалась ни шатко ни валко, с многочисленными перекурами и походами к ближайшему ларьку.

Жители окрестных домов жаловались, но терпели. Надеялись, что столь одиозные трудовые усилия водопроводчиков увенчаются успехом и к концу недели появится вода.

Местные жители очень удивились, если бы увидели внутри обшарпанного желто-красного фургона не только мотки проволоки, обрезки труб, газовые горелки с баллонами, различный увесистый инструмент, но и вполне современный ноутбук. А за портативным компьютером – парня в очках с тонкой оправой. Он управлял совсем небольшим квадрокоптером с

¹ Запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация.

электромоторами. Оснащенный видеокамерами дрон наблюдал за вполне конкретным домом. А возле оператора расположились бойцы спецназа Министерства государственной безопасности Донецкой Народной Республики.

– Сейчас все четверо «клиентов» в доме. Действуем двумя тройками. Мы входим в дом вместе с Виктором и Олегом. Работаем бесшумными «стечкиными». Вторая тройка с укороченными автоматами блокирует двор и гараж. «Работяги» блокируют подступы и тыл здания, – вел «крайний» инструктаж командир группы захвата. – План дома все изучили?

– Так точно, командир! Еще перед выездом, на базе.

Ребята накрутили глушители на стволы массивных автоматических пистолетов и присоединили плечевые упоры на рукоятки. К сожалению, современные пистолеты-пулеметы для Министерства госбезопасности ДНР оставались непозволительной роскошью. Поэтому обходились тем, что есть – автоматами Калашникова, укороченными «ксюхами»², автоматическими пистолетами Стечкина АПС и АПБ.

Действовали в полной штурмовой экипировке, в касках с прозрачными забралами и в усиленных бронежилетах. Из вооружения у группы захвата – только автоматические «стечкины» и ножи. Этого вполне достаточно. У страхующей группы – укороченные автоматы с полным тактическим «обвесом»: фонари, лазерные целеуказатели, сверху на ствольной коробке – коллиматорные прицелы.

Нельзя было спугнуть «клиентов», уж очень подозрительно они себя вели. Служба наружного наблюдения «пасла» их целый день. По данным «топтунов», в доме сейчас находилось четверо, но они явно не были хозяевами дома. По предварительной информации, эти четверо – террористы «Правого сектора», украинские националисты. Их цель – диверсии в Донецке – столице самопровозглашенной Народной Республики. Вчера вечером они загнали в гараж автофургон «Фольксваген», что внутри него – неизвестно.

– Все, дослать патрон! – Практически синхронно лязгнули затворы двадцатизарядных автоматических пистолетов и укороченных автоматов. – Ну, с Богом, мужики...

В горле мгновенно пересохло – адреналин. Но сейчас все максимально собраны и готовы действовать максимально жестко и решительно. Одетые в черную штурмовую броню, маски-«балаклавы» с прорезями для глаз и в тяжелые шлемы, бойцы МГБ ДНР выскочили из фургона.

«Работяги» под не первой свежести оранжевыми жилетами прятали легкие «броники», в руках – все те же пистолеты Стечкина. Их задача – страховка группы захвата.

Рывок, и вот уже вылетает выбитая увесистым тараном дверь. Трое штурмовиков проникают в полутемный лабиринт комнат. Пистолеты – наготове.

В дверном проеме появляется один из предполагаемых террористов, в руке у него – пистолет. Теперь он уже и не «предполагаемый», а мишень.

– Справа один!

Разворот – выстрел. Две пули в грудь с близкого расстояния сбивают террориста с ног, пистолет отлетает в сторону. Хлопки выстрелов приглушенные, только лязгает затвор бесшумного «стечкина», выбрасывая дымящиеся гильзы. Виктор Ракитин отработал точно, как на тренировке.

Двое других «правосеков» верно оценили свои шансы и покорно стали на колени, заложив руки за голову. Над ними черными ангелами мщения нависли спецназовцы МГБ ДНР. Пальцы на спусковых крючках пистолетов так и чесались. Но приказ – взять живыми, а стрелять только в случае вооруженного сопротивления.

– Чисто!

– Где четвертый?!

² Жаргонное название укороченного автомата «АКС-74У».

Словно в ответ на вопрос спецназовца по полу катнулось стальное «яйцо» гранаты «РГД-5».

– Ложись!!!

Приглушенный хлопок взрыва, совсем не так зрелищно, как в кино, но смертоносные стальные осколки рвут бронезилет, взрывная волна жестко бьет по ушам, из носа потоком хлынула кровь.

В ответ в полутьму комнаты летят пули, раскаленный свинец ставит жирную точку в «карьере» еще одного бандеровца.

– Витька ранен!

– Что с ним?!

– Контузия и множественные осколочные, крови много.

– Скорее, «Скорую», ранен сотрудник МГБ ДНР!

Вой сирены, яркий свет проникает сквозь опущенные веки, укол в сгиб локтя, игла безошибочно находит вену, лекарство дает жизнь. Вернее – отодвигает смерть. Частый комариный писк кардиомонитора, что-то сдавливает грудь, мешая дышать.

– Интубируем, подключаем к ИВЛ!³

– Еще два кубика дексаметазона внутривенно, готовь кордиамин.

– Сейчас. Пульс нитевидный, давление падает...

³ ИВЛ – установка искусственной вентиляции легких, применяется при реанимационных мероприятиях.

Глава 1

Не время сомневаться!

Взрыв шарахнул совсем рядом, но вскормленные войной инстинкты все же успели бросить тело наземь. Осколки свистнули над головой, а вот ударная волна, хоть и ослабленная расстоянием, не пожалела. Виктор поднялся, помотал головой, но стало еще хуже – накатила тошнота. Сквозь комариный звон в ушах проступили звуки, как будто бы он находился под толщей воды.

– Витя, ты как, живой?!

– Угу... Это граната рванула?

– Бежим! Какая граната?! Обстрел начался, скорее – в бомбоубежище! За мной!

Виктор, пригибаясь и придерживая колотящийся по боку автомат, побежал следом за незнакомым офицером. Оскользываясь на грязи, разбрызгивая воду из луж, они перебежали, прячась за полуразрушенными зданиями. Земля под ногами содрогалась от близких попаданий гаубичных снарядов. Враг боеприпасов не жалел. На соседней улице ухнул взрыв, Ракитин успел заметить, как медленно сползла в облаке пыли и дыма фасадная стена трехэтажного здания. За годы войны на Донбассе бывший студент исторического факультета Донецкого национального университета навидался такого, от чего и мороз по коже, и волосы дыбом. Теперь же тело само реагировало на близкие «бахи», распластываясь за импровизированными укрытиями. Опытный взгляд рефлекторно подмечал то полуобвалившуюся стену, то каменный парапет, то кучу битого кирпича, то небольшую промоину в земле. А ноги уже сами несли к этому призрачному – но все же укрытию. Слух безошибочно угадывал расстояние до очередного взрыва, определяя степень его опасности. Опытный, уже успевший повоевать и выжить, солдат – мишень чрезвычайно трудная.

– Сюда!

Вместе с неожиданным попутчиком буквально скатились по ступенькам в подвал какого-то жилого дома. Стены буквально тряслись от близких взрывов, с потолка сыпалась штукатурка. В полутемном помещении набилась уйма народа, в основном гражданские.

– Что такое, опять артобстрел?.. – возрился на неожиданного товарища по несчастью Виктор Ракитин.

– Да, опять фашисты начали Сталино обстреливать!..

– Сталино?..

– Очнись, паря!.. Немцы уже в нескольких десятках километров от города, с начала октября идет эвакуация. Заводы подготовлены к взрыву, на металлургическом – остановлены доменные печи!

– К-какое сегодня число? – удивленно спросил Ракитин.

– Н-да... Крепко же тебя контузило!.. Хотя за мной бежал грамотно, сразу видать – «погранец», чувствуется подготовка.

– Так какое число?

– Сегодня – четырнадцатое октября 1941 года.

Ну, ни хрена себе!!!

Виктор Ракитин ошеломленно потряс головой, к горлу снова липким комом подкатила тошнота. Вот он и попал – так попал! Как же это так получилось-то, а?.. Виктор помнил, как в него саданули прям по бронежилету очередью, как он успел упасть на колено и дважды выстрелить из «стечкина»... Помнил, как выкатилось зеленое «яйцо» «РГД-5» без кольца. Как он сам успел перевалиться на бок – спиной к смерти. Последнее, что он помнил, громкий хлопок взрыва...

А очнулся Виктор Ракитин, оказывается, в Донецке – только звался его родной город теперь – Сталино. Как можно было «провалиться» сквозь более чем полвека?! Ракитин был студентом, увлекался фантастикой и, конечно же, прекрасно знал о «попаданцах». Теперь же он и сам оказался в роли героев фильма «Мы из будущего».

Так, главное – не паниковать! Сейчас не время предаваться рефлексии или сомневаться. Ракитин знал, что всего через неделю немецкие войска войдут в Сталино, случится это 21 октября 1941 года. Прежде всего, нужно осмотреть себя. Его попутчик (кстати, а как его зовут?) упомянул, что Виктор Ракитин – пограничник. Ну да, на вороте серой шинели – зеленые петлицы с тремя красными треугольниками и значком мишени. Значит, он старший сержант Погранвойск НКВД. Ракитин полез в нагрудный карман гимнастерки, достал документы – так и есть. Кроме солдатской книжки была еще и расчетная, вещевая, аттестат... На черно-белой фотокарточке довольно низкого качества – лицо молодого человека, похожего на него. На листках, скрепленных порывевшими от ржавчины скобками и исписанных лиловыми чернильными буквами, умещалась вся его фронтовая биография.

Застава на западной границе, где он служил, приняла бой утром 22 июня. Дальше – тяжелые арьергардные бои, настоящая мясорубка масштабного танкового сражения в треугольнике Дубно – Луцк – Броды. А потом – новое отступление. Сражался под Киевом, где яростный натиск гитлеровцев сдерживала армия под командованием одного из любимцев Сталина – генерала Власова. Потом – разгром, окружение. Отчаянный прорыв, во время которого полегло две трети их сводного подразделения. О пленении и предательстве генерала Власова пограничник, как и все остальные, узнал уже здесь – в Сталино.

А что там в графе «родственники»? Ракитин перевернул странички солдатской книжки. Ага, детский дом № 24 города Сталино... Стало быть, нет у него родных. Никто и горевать не будет. Мелькнула мысль, – если уж его и перенесло каким-то необъяснимым образом через более чем полстолетия, то недостатка в «чудом оживших» телах на поле битвы явно не было. Из кого-то, как говорится, «дух вон», а получается, что как бы и не совсем...

Додумать эту чрезвычайно важную в сложившейся ситуации мысль Виктор не успел – дом тряхнуло так, что аж зубы клацнули, уши заложило от перепада давления.

Да и черт с ним! Что у него с собой? Ага, автомат, который Ракитин уже по привычке положил на колени, был на самом деле пистолетом-пулеметом Дегтярева образца 1941 года. А может – сорокового, не время и не место разглядывать заводские клейма, устанавливая «аутентичность». Он помнил, что пистолеты-пулеметы на вооружении Пограничных войск НКВД появились примерно в апреле 1941 года. В подсымке на поясе лежал еще один набитый патронами диск. В кобуре – пистолет «ТТ» и обойма к нему. В вещмешке за спиной – Ракитин знал это какой-то особенной памятью – было еще несколько пачек патронов и пара ручных гранат с вывернутыми запалами.

Что еще? Виктор стащил с плеч лямки нетяжелого вещмешка и развязал горловину. Чистое белье, выстиранные портянки, носки, полотенце, миска, кружка, ложка. В отдельном футлярике – опасная бритва и помазок. Еще – зубной порошок, щетка и большой кусок мыла.

«Перебираю вещи, словно потерпевший кораблекрушение», – пришла мысль. Но главным спасательным кругом для Ракитина были, конечно же, документы. С ними он никакой не дезертир, не «подозрительный элемент», а воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии! Причем еще и пограничник, то есть опытный, обученный и ценный кадр. В общем, на первое время повезло. А дальше видно будет.

– Эй, Витя, вроде стихло все. Может, пора выбираться?

– Точно, пошли. – Ракитин поднялся, завязал вещмешок и привычно забросил его за плечи. Так же привычно повесил на плечо автомат. – Слушай, а тебя как зовут, а то этот клятый взрыв память вмиг отшиб?

– Ну, паря, ты даешь! – рассмеялся попутчик Ракитина. – Кличут меня Иваном Нестеровым, я из семнадцатого пехотного, восемьдесят первая дивизия. Вместе ж на «полutorке» тряслись, почитай, дня четыре...

– В комендатуру надо.

– Так мы туда и шли, кабы не обстрел этот, ети его...

* * *

В комендатуре Виктора и его попутчика придирчиво осмотрел майор с красными от недосыпа глазами, в измятом кителе. Видимо, здесь, в прокуренном кабинете, он и ночевал на продавленном диване, который явно не вписывался в казенный интерьер.

– Пограничник? Это хорошо. Будете временно зачислены в Отдельную роту гарнизонно-караульной службы. Людей катастрофически не хватает, тем более – квалифицированных специалистов. Все на фронт рвутся, а мы тут вместе с милицией изо всех сил пытаемся не допустить бардака, – не то ввел в курс дела, не то пожаловался майор. – Я выпишу направление, представитесь командиру – старшему лейтенанту Ерохину.

– Есть!

– Ну, а вы, товарищ Нестеров, отправляетесь в запасной пехотный полк, вот направление.

Виктор и его неожиданный попутчик крепко обнялись напоследок. Кто знает, какая судьба уготована им обоим в военном лихолетье длиной, как знал Ракитин, в четыре долгих и страшных года?..

– Прощевай, не поминай лихом!..

* * *

Отдельная рота гарнизонно-караульной службы, сокращенно – ОРГКС, располагалась в длинном одноэтажном доме, видимо – бывшей школе. На контрольно-пропускном посту Виктор предъявил документы такому же, как сам, солдату в серой шинели с зелеными пограничными погонами. В руках у часового был укороченный карабин Мосина.

– Проходи, «погранец», – улыбнулся часовой. – Махорки нема?

– Извини, земляк, не курю.

Старший лейтенант Госбезопасности обрадовался не столько самому неожиданному пополнению, сколько его огневой мощи. Пистолет-пулемет для осени сорок первого года – большая редкость и не меньшая удача! Это оружие было достаточно дорогим в производстве – один «ППД-41» обходился в девятьсот рублей в ценах 1939 года, и это при том, что «одноименный» ручной пулемет стоил чуть более тысячи.

– В общем, старший сержант Ракитин, сейчас отправляешься на кухню, талон на питание я тебе выпишу. Потом занимай койку в казарме, знакомься с ребятами. До семнадцати ноль-ноль отдыхай. А после – определим тебя в мангруппу⁴ на огневое усиление. И давай попростому. Зовут меня Сергей, если какие вопросы – сразу говори. Обстановка в городе – наипаскуднейшая. Со дня на день будем оставлять Сталино, так что тут по ночам сложно. Диверсантов, недобитков разных, вредителей и дезертиров хватает. А нам нужно обеспечить сохранность социалистического имущества и порядок в городе. Чем лучше сразу будем понимать друг друга, тем легче будет в патруле.

⁴ Маневренная группа.

– Есть, товарищ командир. Я все понимаю. Но прежде хотел бы вычистить оружие. А то попал под артобстрел, как бы «дегтярь» мой грязью-то не забился... Да и умыться бы с дороги...

– Мысль дельная! Иди койку занимай. Заодно и оружие почистишь.

Казарма представляла собой типичное временное пристанище полусотни взрослых мужиков. Крепко пахло ружейным маслом, портянками, потом и махоркой. На койках, принесенных в бывший учебный класс, отсыпались красноармейцы. Несколько человек за столом, освещенным керосиновой лампой, писали письма, другие, расположившись на койках, читали или подшивали форму.

У дальней стены горела самодельная буржуйка, длинная коленчатая труба была выведена в окно. Рядом с ней были сложены дрова для растопки. На веревках сушились вещи солдат.

Ракитин припомнил, как в Донецке начиналась вооруженная борьба против современных бандеровцев. Все обстояло точно так же: импровизированные казармы, оружие на стенах в изголовье, пустые пачки и промасленная бумага от упаковок патронов и практически такие же спартанские условия. Только вот компьютеров и мобильных телефонов не хватало.

Поздоровавшись с солдатами и перекинувшись парой слов с дневальным, Виктор занял пустующую койку. Скинул сапоги и поудобнее устроился на сером шерстяном одеяле. Отсоединил круглый дисковый магазин, дважды передернул затвор, проверяя наличие патрона в патроннике, выполнил контрольный спуск, направив ствол в потолок. Быстро и сноровисто разобрал пистолет-пулемет, вынул затвор, разобрал на составные части и его. Вывинтил заглушку в задней части ствольной коробки – короба-кожуха. Вынул возвратно-боевую пружину и направляющий стержень. Разборка-сборка «ППД-41» была даже проще, чем автомата Калашникова.

Виктор усмехнулся собственным мыслям. Там, в его «прошлом-будущем», в двухтысячных годах, разного рода «умники» на интернет-форумах упражнялись в эрудированности по поводу того, что называть автоматом. Формально «дегтярь», который сейчас держал в руках Ракитин, являлся пистолетом-пулеметом – по принципу работы, основанному на отдаче свободного затвора. Но в еще советских книгах о войне везде было упомянуто слово «автоматчики», а не «пистолетчики-пулеметчики». Да и в документах военного времени «ППД-41», «ППШ-41» и «ППС-43» именовались «автоматами». Ракитин помнил, что и в его «прошлом-будущем» пистолеты-пулеметы Шпагина из музейных хранилищ верой и правдой служили ополченцам Донбасса в борьбе против бандеровских фашистов. И не только «ППШ», но и противотанковые ружья конструкции Дегтярева и Симонова, из которых донецкие шахтеры и металлурги били бронетранспортеры под «желто-блакитными» флагами с трезубцем и свастикой. И даже пулеметы Дегтярева «ДП-27». А уж неприхотливых и надежных винтовок и карабинов Мосина хватало с лихвой!

Руки сами выполняли все необходимые операции, включилась так называемая двигательная память. Интересно, что еще он умеет делать так же – не задумываясь, на уровне рефлексов?.. Разборка, чистка и смазка оружия настроили на философский лад. Ракитин наконец-то получил немного свободного времени, чтобы поразмышлять о своей новой судьбе. Кстати, Виктор понял, почему сразу ему в глаза не бросились вопиющие факты неожиданного появления в 1941 году. Для человека гражданского все эти взрывы, неразбериха, артобстрелы были бы чудовищными и необъяснимыми фактами, сразу «навалившимися» на неподготовленный к такому повороту событий рассудок. Но ведь Ракитин воевал уже несколько лет, начиная с самого Славянска!

Потому-то и не обратил он сразу внимание на окружающую действительность – для него выстрелы и взрывы, тяжесть автомата на ремне и вещмешка за плечами, перебежки от одного укрытия к другому были привычны. Первое время под артобстрелом гитлеровцев он попросту не обращал на все это внимание, сознание сконцентрировалось на том, чтобы выжить, рабо-

тали благоприобретенные на другой войне, но оттого не менее действенные, рефлексy. Только погодя Виктор обратил внимание на необычный вид собственного автомата и на одежду окружающих людей, будто бы на костюмированном шоу столь популярной в его временах военной реконструкции.

В какой-то мере боевой опыт и спецподготовка бойца штурмовой группы МГБ ДНР помогли ему сразу не потерять рассудок от таких ошеломительных перемен. Теперь же он тщательно обдумывал свое нынешнее положение.

Завершив чистку и смазку пистолета-пулемета Дегтярева, он снова поставил на место дисковый магазин. После достал из кобуры пистолет «ТТ», разобрал, прочистил и смазал и его.

– Пойду в столовую, а то жрать охота, – сказал Виктор, обращаясь к дневальному. Он достал из вещмешка кружку, миску и ложку. – Тебе принести чего-нибудь пожевать?..

– Не, я перед тем, как заступил, поел нормально.

– А кормят-то как? Пшенка – «дробь-шестнадцать»?

– Нет, нормально кормят, еще и добавку дают – что называется, от пуза! Не фрицам же оставлять... Вот и доедаем...

– Понятно...

* * *

В располагавшейся неподалеку столовой Виктор отстоял очередь и предъявил талон. По нему улыбаясь повариха положила внушительную порцию наваристого супа с мясом, а на второе – тушеной картошки, тоже с мясом. Кружка крепкого сладкого чая пришлась кстати серым октябрьским днем 1941 года. Поначалу Виктор удивился неожиданному изобилию, но потом припомнил слова дневального. Кроме довольно обильной порции ему выдали буханку хлеба и целую банку тушенки – неслыханное сокровище по тем временам!

В столовой было много солдат и рабочих. Приглушенные разговоры были однообразны: о том, что немцы на подходе и шахтерская стрелковая дивизия изнемогает в оборонительных боях. Об эвакуации, которая продолжалась с начала месяца. О якобы вражеских агентах, которые по ночам подают сигналы немецким бомбардировщикам, корректируют огонь гитлеровской артиллерии или устраивают диверсии на железной дороге. Было странно слушать почти такие же разговоры под практически такие же, несмолкающие ни днем, ни ночью раскаты артиллерийского грома. И гадать, слыша отдаленные «бахи»: наши – не наши...

Вконец измученный событиями дня, Виктор Ракитин вернулся в казарму и завалился спать тяжким свинцовым сном без сновидений.

* * *

Проснулся-очнулся Виктор оттого, что дневальный настойчиво тормозил его за плечо.

– А, что?..

– Подъем, через час – выходим на патрулирование.

Умывшись, Ракитин надел шинель, шапку, подпоясался ремнем с кобурой и подсумком, повесил на плечо автомат. На улице, у крыльца казармы уже строились отряды бойцов. Компания оказалась довольно пестрой, среди солдат ОРГКС были и такие, как Ракитин, пограничники, и милиционеры, и просто призванные красноармейцы. Многие из них оказались легкоранеными. Ни в тыл, ни на фронт они пока попасть не могли. А вот в комендантскую роту – вполне. Хотя рота – это слишком сильно сказано. Как прикинул Виктор, в подразделении насчитывалось едва ли больше полусотни солдат. Так, пара взводов, и это – на целый город!

Конечно, в отличие от современного Донецка город Сталино был существенно меньше, но все же весьма значительным по протяженности. К тому же вместо знакомых Виктору стро-

гих кварталов новостроек были узкие кривые улочки шахтерских поселков по окраинам. Да и, естественно, даже студент-историк практически не ориентировался в названиях и расположении улиц «тогдашнего» – ставшего «теперешним» – Сталино.

– Равняйся! Смирно!

Строй красноармейцев подтянулся, привычно выполнив уставные команды. Разговоры смолкли, теперь все внимание было обращено к старшему лейтенанту Сергею Ерохину.

– Еще раз повторю: ситуация в городе Сталино – сложная. На нас возложена задача по обеспечению сохранности имущества заводов, подготовленного к эвакуации. Также мы обеспечиваем социалистическую законность и порядок. Будьте особенно осторожны при проверке документов. По улицам бродят шайки мародеров и просто – «блатных». С этими – не церемониться! Все ясно?

– Так точно!..

– Старшина Самохвалов!

– Я!

– Твоя группа заступает на охрану железнодорожного вокзала. Особое внимание обратить на район складов. Взаимодействовать будешь с начальником ВОХР⁵.

– Это с Семенычем?..

– Точно так, с ним.

– О, споемся!..

– Старший сержант Володин!

– Я!

– Охраняешь центр и район металлургического завода... – Инструктаж проходил своим чередом. Начался нудный и мелкий осенний дождь, как будто небу было мало ниспосланных людям испытаний. С запада протяжно бахала артиллерия. Отблески света из окон падали на сосредоточенные лица солдат, таких разных и таких одинаковых в своем стремлении защитить этот город. «Прямо как мы в Народном ополчении Донбасса», – подумал Виктор.

– Новоприбывший старший сержант Погранслужбы Ракитин поступает в распоряжение маневренной группы на огневое усиление.

– Есть!

Маневренная группа состояла из восьми человек и водителя, на ее вооружении был старенький, чуть ли не дореволюционный грузовик «Форд», мобилизованный на заводе. Но его неоспоримым преимуществом являлся порядком изорванный тент, который все же давал какую-никакую защиту от ветра, дождя и грязи из-под колес.

В казарме был установлен полевой телефон. Отсюда дежурный мог напрямую получить оперативную информацию из любого района Сталино. Старший лейтенант Ерохин имел возможность отслеживать обстановку в городе. Немедленно по вызову и должна была выезжать машина маневренной группы.

А пока, чтобы не мокнуть понапрасну под дождем, бойцы мангруппы коротали время в школьном вестибюле. За остальными солдатами приехали «полуторки» и развезли их на охраняемые объекты.

Ближе к двенадцати ночи раздался телефонный звонок – какие-то подозрительные личности были замечены в районе Смолгоры⁶. А рядом находятся склады и угольные шахты...

– Тревога! Маневренная группа – в ружье!

Через несколько секунд бойцы уже запрыгивали в старенький «Форд». «На грузовую «газельку» похоже», – подумал Виктор, забираясь под тент. Рядом усаживались прямо на дощатый пол кузова остальные солдаты маневренной группы. Вооружены они были укороченными

⁵ ВОХР – военизированная охрана.

⁶ Ныне – центральная часть Куйбышевского района города Донецка.

карабинами Мосина, только у старшего лейтенанта на плече висел автомат «ППШ». Чихнул и завелся изношенный двигатель «Форда». Грузовичок покати по опустевшим темным улицам Сталино. В октябре темнеет быстро, и город замирал до утра за темными от светомаскировки окнами, заклеенными крест-накрест полосами бумаги. Ракитин сидел у заднего борта и смотрел на эти темные, безжизненные улицы. Канонада на западной стороне города, там, где когда-то в будущем отстроят Донецкий аэропорт имени Прокофьева, заметно усилилась. За ближайшим терриконом прерывисто ухали наши зенитки, настороженно шарили по небу лучи прожекторов, выискивая в темном небе черные кресты.

Виктор узнавал и не узнавал город, в котором он родился и вырос. «Воспоминания о будущем», о новой войне, тяготили его душу. Вот так же – во многом самостоятельно, без должной организации ополчение Донбасса защищало Донецк страшным летом 2014 года. Сейчас, за более чем полвека до тех событий, вот так же и они, защитники Сталино, пытаются сдерживать орду *настоящих* фашистов. Стояли насмерть перед превосходящими силами гитлеровцев воины 383-й шахтерской стрелковой дивизии и другие солдаты Красной Армии.

А вот в самом городе уже орудовали банды и диверсионные группы врага...

* * *

Грузовик резко затормозил у поворота. Бойцы маневренной группы быстро сосредоточились на обочине дороги. Залязгали затворы винтовок, солдаты досылали патроны в ствол.

– Прочесываем цепью, – приказал старший лейтенант Ерохин.

Темень была – хоть глаз коли. В ночи смутно различался шахтный копер с колесом подъемного устройства на верхушке. Рядом был поросший низенькими деревцами и пожухлым кустарником террикон. По другую сторону дороги тянулись склады, а дальше через пустырь начинались хаты поселка.

Внезапно сухо треснул винтовочный выстрел, потом еще один. Кто-то из цепи солдат коротко вскрикнул. Маневренная группа мгновенно рассыпалась, битые войной красноармейцы залегли или падали на одно колено и открывали ответный огонь.

– Не стрелять! За мной! – прозвучал резкий окрик-команда старшего лейтенанта Ерохина.

Виктор Ракитин рванулся вперед, шлепая по грязи и по лужам. Полы промокшей шинели стегали по ногам, сапоги вязли в грязи. Но автомат он держал наготове. За спиной бахнул выстрел ракетницы, и над головами солдат маневренной группы повисла «люстра», сделалось светло, как днем.

В изменчивом мерцающем свете стали ясно различимы силуэты тех, кто осмелился стрелять по бойцам комендантской роты. Их было четверо – матерые, как только в небе повисла осветительная ракета, они поняли, что представляют прекрасную мишень на бегу. А потому – рассредоточились и открыли ответный огонь. Судя по звукам, било две винтовки и пара пистолетов.

– Не подставляться! Ракитин, садани из автомата поверх голов! – Командир маневровой группы был опытный, он сразу оценил ситуацию.

Виктор усмехнулся и с колена дал пару очередей из своего «дегтяря». Пистолет-пулемет в руках затрещал, из дульного среза вырвался язык пламени. Рядом изрыгал фонтаны ослепительного пламени из прорезей в кожухе ствола «ППШ» старшего лейтенанта Ерохина.

В ответ раздались выстрелы, рядом противно вжикнули пули, выбивая фонтанчики грязи на земле. Ракитин тут же с колена кувыркнулся через голову в сторону, как учили, и распластался в грязи. Он снова ударил из «ППД», но теперь уже короткими, кинжальными очередями – по вспышкам вражеских выстрелов, отсекая по три-четыре патрона.

– Ракета догорает – короткими перебежками – за мной! Окружай их, ребята!

– Давай, старлей, я прикрою!

Ракитин без лишних разговоров сделал рывок в сторону, за кусты. И уже оттуда ударил длинными очередями, прижимая противника к земле, сковывая его маневр и отвлекая на себя. Сухой треск выстрелов был ему ответом. Над головой снова вжикнули пули, посыпались сре-занные тонкие веточки.

Но было уже поздно. Та пара секунд, которые выиграл для старшего лейтенанта Виктор своей стрельбой из пистолета-пулемета, оказалась решающей. Бойцы маневренной группы рывком сократили дистанцию. Завязался ожесточенный бой на пистолетной дистанции, перешедший в рукопашную.

– Живьем брать гадов!

Живьем двоих и взяли, еще двое оказались «холодными», их без лишних церемоний забросили в кузов грузовика. Из состава маневренной группы двое бойцов были легко ранены: один в плечо – навывлет, другой – в ногу, пуля «Нагана» застряла в бедре, но ранение было не опасным.

Диверсанты со связанными руками затравленно, исподлобья смотрели на солдат заградительного батальона. При них нашли несколько электрических фонарей, винтовку, обрез «мосинки», два пистолета «ТТ» и один «Наган».

– Что, сволочи, хотели сигналы немецким бомбардировщикам подавать?! Вот сейчас передадим вас в комендатуру, и скоро присоединитесь к своим...

* * *

Очередной вызов последовал уже под утро и тоже – из района складов. Бандиты тяжело ранили двух «вохровцев» и взломали ворота пакгауза, где хранился запас продуктов. Вызов поступил и к оперативному дежурному по городу, но «Форд» с маневренной группой успел быстрее. Они примчались как раз в тот момент, когда бандиты грузили мешки и коробки со съестными припасами на телегу.

– Огонь! Огонь! Бей их! – скомандовал старший лейтенант.

Виктор, не давая опомниться бандитам, нажал на спусковой крючок, едва только выпрыгнул из кузова. Пистолет-пулемет отрывисто затрещал, выплевывая раскаленный свинец. К «дегтяреву» присоединился еще и «шпагин» старлея Ерохина. Отрывисто хлопали карабины остальных бойцов маневренной группы. Свет автомобильных фар слепил бандитов, чем и воспользовались солдаты заградительного батальона. Шквал огня и натиск!

Простым бандюганам с парочкой «Наганов» да захваченными винтовками военизированной охраны противостоять очередям пистолетов-пулеметов было просто невозможно! Бойцы заградительного батальона перебили их всех – по законам военного времени.

Тяжелораненым «вохровцам», насколько это возможно, оказали первую помощь. У одного из охранников – ножевая рана живота, у другого – прострелена грудь. Сергей Ерохин и его люди дождались милицейскую машину и карету «Скорой помощи». Помогли погрузить в санитарный фургон на базе «полуторки».

Командир в это время разговаривал с милиционерами, приехавшими на выдавшей виды легковой «эмке». Те подошли поближе к распахнутым дверям пакгауза, посветили фонариками на лежащие на мокрой мостовой тела бандитов.

– А, старые знакомые! Вон, Сенька-Копченый, а это Вася-Вобла... Долго же мы за ними гонялись!.. Ну, что ж, можно сказать – пуля нашла героя! – цинично пошутил милиционер с такой же печатью усталости на лице. – Ладно, старшой, напишешь рапорт, как все было. Потом передашь к нам в управу.

Утром усталые и измученные бойцы заградительного батальона собрались на построение. Старший лейтенант Ерохин зачитал общую сводку по городу за ночь: всего было предот-

вращено шесть попыток хищения со складов, частично уничтожены и задержаны две диверсионные группы. Полностью уничтожена одна банда. Задержано трое дезертиров. Погибших за ночь в комендантской роте не было, но пятеро бойцов было ранено, из них один – тяжело.

После построения солдатам дали четыре часа на чистку обмундирования и оружия и на отдых. Все были грязные как черти. Виктор отчищал свою изгвазданную за ночь шинель, стирал портянки и галифе, вымывал и начищал сапоги.

Потратив на это битый час, солдаты завалились спать. Но отдохнуть им удалось совсем немного. Вскоре комендантскую роту снова подняли по тревоге. Немецкий гаубичный снаряд попал в двухэтажный жилой дом, и нужно было обеспечить оцепление. Виктор Ракитин за время службы в осажденном Донецке насмотрелся и на это. Вместе с бойцами спецгруппы МГБ ДНР ему не раз приходилось выезжать на места обстрелов бандеровскими карателями. Теперь же он видел картину разрушений от артобстрела реальных нацистов – тех, с которых впоследствии украинские националисты будут брать пример в геноциде народа Донбасса.

Осколочно-фугасный 150-миллиметровый снаряд проломил стену дома и взорвался уже внутри. Остались лишь две полуобвалившиеся стены и груда битого кирпича вперемешку с обломками.

Виктор Ракитин стоял в оцеплении в октябре 1941 года и вспоминал грядущие события – родной Донецк под обстрелами украинских националистов. Так же, как на Донбассе начиная с 2014 года, истошно выли женщины, бросались на оцепление, стремясь голыми руками выгрести из-под завалов тела уже бездыханных детей. Стояли, сжимая кулаки, почерневшие от горя мужики. Теперь у них была одна дорога – на фронт, всеми правдами и неправдами!

Пожарные разбирали завалы, вытаскивали из-под груд битого кирпича обезображенные тела жильцов, складывали их на расстеленном рядом брезенте. Они привычно и сосредоточенно орудовали ломами и лопатами. Бог весть, какой по счету завал им приходилось уже вот так разбирать. И сколько обезображенных тел вытаскивать из каменного крошева.

Внезапно раздался радостный крик:

– Девочка живая! Дышит!

Встрепенулись медики возле фургона «полуторки» с красным крестом на боку. Сноровисто подхватили носилки, вперед вырвалась немолодая женщина-фельдшер, проверила пульс на худенькой, серой от пыли шее. Раскрыла саквояж, набрала в шприц из ампулы лекарство и быстро сделала девочке укол. Кивнула и властно указала на фургон с красным крестом:

– Быстро в госпиталь! Попытаемся спасти.

По толпе пронесся долгий вздох. Такие маленькие чудеса вселяли надежду в остальных. Но, к сожалению, случались они нечасто...

* * *

В один из вечеров Виктор Ракитин находился в патруле. Старенький «Форд», транспорт маневренной группы, встал наглухо. Что-то случилось с мотором. Старший лейтенант Ерохин грозился расстрелять водителя, но тот и сам был готов провалиться сквозь землю. Машина старая, изношенная, запчастей – не достать...

В общем, тут хотя бы телегу с лошадью достать, но и этого у личного состава Отдельной роты гарнизонно-караульной службы не было. Пришлось патрулировать улицы Сталино пешим порядком. Ходили по трое, держась настороженно. С наступлением комендантского часа улицы города пустели, жизнь замирала до утра. Черные окна домов казались бездонными бочагами – омутами на болоте. Только иногда робко светился огарок свечи или керосиновая лампа. Но и керосин в столице Донбасса за несколько дней до отступления Красной Армии был дефицитом.

Виктор угрюмо смотрел по сторонам, обходя лужи. Чуть позади топали двое солдат с карабинами Мосина. Повернув голову, Ракитин заметил в конце улицы парочку. Вроде бы как офицер проводил домой девушку. «То ли связистка, то ли медичка», – подумал старший сержант-пограничник. Но привычка все перепроверять, которая возникла еще во время службы в комендантской роте ДНР, а потом и в спецназе МГБ Донецкой Республики, уже толкнула Ракитина вперед.

– Товарищ старший сержант, шо ж мы будем романтику людям портить?.. – с легкой укоризной сказал один из бойцов.

– Отставить разговоры, Круглов! – прикрикнул на него Виктор. – А нечего в комендантский час по улицам шататься.

Втроем они быстро нагнали романтическую парочку. Да те и не собирались особо скрываться. Заметив патруль, они не шарахнулись в ближайший темный проулок, не задали деру, путая следы. Терпеливо ждали приближения «комендачей». Приближаясь, Ракитин включил фонарик. До того пограничник им не пользовался, полагаясь на «ночное зрение» в рассеянном свете луны и немногочисленных светящихся окон домов. Включать фонарик – значило привлекать к себе ненужное внимание ярким пятном света. К тому же, сосредотачиваясь на освещенных участках, не видишь, что происходит за границами светового пятна, слепнешь.

В луче фонаря мелькнули волевое лицо офицера и смазливая мордашка его спутницы. А также одна «шпала» – прямоугольник на петлице шинели офицера. Капитан.

– Осветите себя! – незнакомый капитан расстегнул кобуру на поясе. – Кто такие?!

«Ну, сейчас начнутся угрозы и призывы проклятий на наши грешные комендантские головы!» – подумал Виктор. Тем более что офицер – с девушкой. Надо же впечатление на прекрасный пол произвести!

– Старший комендантского патруля старший сержант Ракитин. Ваши документы, товарищ капитан.

– А, ну тогда все ясно! – с заметным облегчением вздохнул капитан и потянулся во внутренний карман за удостоверением.

– Вы, барышня, того, не сердчайте, – выступил вперед рядовой Круглов. Для пущего эффекта он снял карабин с плеча и теперь держал оружие в руках. Красноармеец даже приосанился, чтоб видели, что он не кто-нибудь, а военнослужащий комендантской роты.

Девушка негромко рассмеялась такой откровенной демонстрации ухарства.

– Скажите, товарищ красноармеец, а в комендантской роте все такие герои? Или только вы?..

Капитан с неодобрением поглядел на рядового и протянул документы старшему патруля.

– Круглов, рот не разевай!.. – прикрикнул Виктор и развернул книжечку офицерского удостоверения.

«Так, капитан Степанцов, Виктор Ефимович, надо же – тезка... Военинженер⁷ 32-й роты связи 114-го стрелкового полка», – вчитался при скудном свете фонаря старший сержант Ракитин. – А что, товарищ капитан, ваш полк отвели к Сталино?

– Да, то, что от него осталось... отвели на переформирование. Я – врио⁸ командира роты связи. Ранее командовал радиотехнической ротой.

– Круглов, проверь документы у девушки, – распорядился Виктор.

А тот – и рад стараться! Улыбка до ушей, барышне глазки строит. Ну, конечно, когда еще простому солдату выпадет удача позлить офицера, пользуясь исключительным правом «комендача»!.. Он пролистнул солдатскую книжку и вернул девушке.

⁷ Приводится техническая должность, соответствующая званию на 22 июня 1941 года.

⁸ Врио – Временно исполняющий обязанности.

– Рядовая Ольга Румянцева, радиотелеграфистка 32-й роты связи 114-го стрелкового полка.

– Понятно... – В свете электрического фонарика блеснули стальные скобки, которыми были скреплены листки офицерского удостоверения капитана.

«Так, только спокойно!» – перехватило дыхание у Виктора Ракитина. Он прекрасно знал, еще благодаря своему «опыту попаданца», что именно эта, абсолютно незначительная на первый взгляд деталь и выдавала немецких агентов и диверсантов! Дело в том, что на советских документах использовались обычные стальные скобки, скрепляющие листки офицерских удостоверений и красноармейских книжек. Со временем, естественно, они окислялись, ржавели. А вот гитлеровские спецслужбы изготавливали настолько качественные подделки советских документов, что и скобки в них делали из нержавеющей стали. Знаменитый немецкий педантизм и выдавал с головой нередко самых подготовленных диверсантов из специального полка «Бранденбург-800» и других засекреченных подразделений Абвера⁹.

«Если это – вражеские диверсанты, то очень хорошо подготовленные. Стандартной проверки комендантского патруля они не боятся. Документы в полном порядке. Затыгивать проверку нельзя – почувствуют подвох. Вот черт! Круглов скалится во все тридцать два пломбированных зуба, даже карабин за спину закинул. А вот мой второй – Лешка Хрящев, тот молодец – держится вне освещенного пространства, и карабин наготове... Что же делать?.. К тому же еще не факт, что это – именно вражеские диверсанты. Может, он недавно удостоверение получил. Нужна более тщательная проверка. Надо их как-нибудь выманить. Но как?..» – напряженно «прокачивал» ситуацию Ракитин.

– Товарищ капитан, вы же связист, верно? – спросил Виктор, возвращая офицерское удостоверение.

– Точно так, – согласился офицер.

– Послушайте, не в службу, а в дружбу, у нас в комендантской роте рация – ни к черту! А связь нужна. Вы не посмотрите?.. Тут рядом.

– Но мне девушку проводить нужно, опасно ведь...

– Так мы вас вместе и проводим, а потом – к нам. Там для настоящего специалиста всего-то и делов – раз плюнуть. Только вот специалистов по связи у нас в комендатуре-то и нету.

– А командир ваш за такое самоуправство не «взгреет» случайно?

– Да что вы, товарищ капитан! Он и сам такого специалиста ищет. Грозился за починенную рацию две банки тушенки из заначки выдать! Да кто ж возьмется-то?..

– Ну, не знаю, – капитан поглядел на спутницу. – Давайте, может, я завтра в комендатуру загляну...

Внезапно девушка резко выбросила вперед правую руку. Рядовой Круглов, хрипя и захлебываясь собственной кровью, медленно осел в грязь. Он схватился за горло, а между пальцев текла маслянисто-черная в полумраке кровь.

Тускло блеснула сталь армейского ножа в руке капитана. Ракитин едва успел подставить под удар автомат. Лезвие заскрежетало о металл ствольной коробки. Тут же левое предплечье обожгло болью. Но и Ракитин не сплосховал – саданул от души прикладом прямо в грудь ряженого офицера. Тот грохнулся в грязь без чувств. Что называется – «дух вон»!

Девушка метнула нож в темноту и выхватила винтовку из мертвых пальцев Круглова. Раздался сдавленный стон рядового Хрящева. Сухо треснул выстрел карабина Мосина.

Не раздумывая, Ракитин длинной очередью из пистолета-пулемета пригвоздил к земле вражескую шпионку. Слитный треск выстрелов привычно ударил по ушам, сполохи дульного пламени прорезали темноту. Раскаленный свинец прошел девушку сразу в нескольких местах.

⁹ Абвер – (нем.) Abwehr – «оборона», «отражение». Орган Военная разведка и контрразведка Третьего рейха.

Наступила гулкая тишина, как всегда бывает после перестрелки или после боя. Только в отдалении слышался несмолкающий рокот орудийной канонады.

– Хрящев! Лешка, живой?

– Кажись, живой. Эта сучка ножом в плечо попала. Метко метает, бестия! Кровь идет сильно. А что Круглов?

– Отвоевался Круглов, она его – ножом в шею... Иди сюда, перевяжу, у меня индпакет¹⁰ есть.

Виктор распорол ножом гимнастерку на левом плече и умело наложил тугую давящую повязку. Он оценил меткость и подготовку вражеской диверсантки: чуть ниже, и ее нож попал бы красноармейцу прямо в сердце.

– Ты ж сам ранен.

– А, царапина... Капитан ряженный клинком достать пытался. Видишь, какие тертые: все ножами нас порешить хотели, чтоб без шума. Опытные, подготовленные. – Ракитин поморщился, раненая рука все же саднила. – Этого «кадра» нужно связать и доставить в комендатуру. Передадим его, куда следует. Мертвую бабу – тоже. Вместе со всеми их документами.

– Хитрая баба... Была. Как она подвох учуяла, а, товарищ старший сержант?

– Женская интуиция, браток – штука темная, неисследованная и непредсказуемая...

* * *

– Я на тебя уже представление к ордену Красной Звезды написал! А Лешку Хрящева – к медали «За отвагу», – командир отдельной роты гарнизонно-караульной службы был очень доволен.

– Да, а Круглова?.. Ордена нам эти с Лешкой кровью боевого товарища достались, – с горечью заметил Ракитин. – Меня вон – зацепило, а Лешка в госпитале. Рана глубокая оказалась.

– Да, что верно – то верно. Вы вообще чудом справились с этой парочкой. Конечно, всего мне не сказали... Но тот «капитан», которого ты прикладом вырубил, оказался важной птицей. Говорят, этих двух агентов готовили на «длительное оседание»: немецкое командование якобы рассчитывало отправить их в концлагерь для пленных красноармейцев, а потом организовать для них побег. Так хотели их легализовать на нашей территории.

– Да, знатные «волки»! – оценил Ракитин.

– На каждого «волка» у нас найдется свой «волкодав»!

¹⁰ Индивидуальный перевязочный пакет, ИПП.

Глава 2

Пограничные псы против гитлеровцев

Порой Виктору Ракитину снились странные сны. Как будто он в жестоком бою схватывается врукопашную с немцем, тот душит его, но помощь советскому пограничнику приходит неожиданно – со стороны верного четвероногого друга – служебного пса. Овчарка бросается на немца, сбивает того с ног и рвет горло оккупанта острыми клыками. А вокруг – ад рукопашной, в которой с гитлеровцами сошлись не только воины в зеленых фуражках, но и их четвероногие боевые товарищи...

Каждый раз, просыпаясь, Виктор не мог понять, сон это или явь?.. Откуда у него воспоминания о том, чего он знать не мог? «Фантомное восприятие событий» того человека, которым он теперь стал?.. Если так, то что это за удивительный бой?

* * *

Конец июля – начало августа 1941 года. Отступающие с западной границы части шестой и двенадцатой армий Юго-Западного фронта ведут кровопролитные арьергардные бои. Они отступают к Киеву. Из ста тридцати тысяч красноармейцев из урочища Зеленая Брама (Зеленые Ворота) к своим удалось пробиться только одиннадцати тысячам человек... Остальные – либо попали в плен, либо навсегда остались в тех местах – в лесах и болотах...

Густой лесной массив на всхолмленной местности на правобережье реки Синюха, возле сел Подвысокое в Новоархангельском районе Кировоградщины и Легедзино Тальновского района Черкасчины – именно здесь и развернулись невероятные и драматические события первого военного лета.

Гитлеровцам не удалось взять столицу Советской Украины Киев наступлением «в лоб», даже несмотря на строжайший приказ Адольфа Гитлера. Согласно планам фюрера Киев должен был быть взят уже к третьему августа. А восьмого на парад в столицу покоренной Украины собирался приехать сам Гитлер вместе с фашистским вождем Италии Муссолини и диктатором Словакии Тисо.

Тогда оккупанты повернули на юг – как раз в ту самую местность, Зеленую Брам.

В советской военной истории череда жесточайших боев в лесной глуши в самом центре Украины получила название Уманской оборонительной операции.

Здесь и состоялся тот памятный, единственный в современной мировой истории войн рукопашный бой людей и собак с фашистами. Полторы сотни обученных пограничных псов в буквальном смысле порвали в клочья целый полк гитлеровцев!

Вместе с потрепанными в боях частями Юго-Западного фронта отходил на восток и Отдельный батальон охраны тыла. Он был сформирован на базе Отдельной Коломыйской пограничной комендатуры и одноименного пограничного отряда. Вместе с пограничниками несли службу и служебные собаки. Они вместе с бойцами батальона охраны тыла стойко переносили все тяготы отступления. Комбату вышестоящее командование предлагало отпустить собак, ведь корма для четвероногих бойцов не было. Инструкторы делили со своими питомцами весьма скудный армейский рацион. Но командир-пограничник не стал этого делать, проявив такую же преданность к четвероногим пограничникам, как и они – к людям в зеленых фуражках.

* * *

Возле села Легедзино батальон прикрывал отход штабных частей командования Уманской армейской группировки. В ночь на тридцатое июля командованию корпуса от разведки стало известно о намерении гитлеровцев атаковать и ворваться в село, где находился штаб и много раненых, требующих эвакуации.

Линия обороны начиналась уже на окраине села, а дальше шла по гребню высоты, затем спускалась и вновь поднималась на относительно ровное плато. Весь предыдущий день бойцы оборудовали основные, запасные и ложные позиции – все, согласно военным наставлениям. На ложных позициях были установлены неисправные орудия и деревянные макеты. Выглядели они настолько правдоподобно, что во время боя гитлеровцы обрушили на них массированный артиллерийский огонь, ослабив удары своей артиллерии на других, действительно важных участках.

Хорошо потрудились и саперы, они установили минные поля и соорудили перед основными позициями несколько ловушек-сюрпризов, хорошо замаскировав их жердями и ветками.

Отдельный батальон особого назначения по охране тыла к тому времени насчитывал вместе с проводниками служебных собак всего около трехсот пятидесяти человек. Правда, подразделению были приданы зенитный дивизион – семь полуавтоматических 76-миллиметровых орудий, батарея противотанковых пушек и одна бронемашина, а также полсотни саперов и взвод связи.

В общей сложности защитников штаба корпуса было около пятисот человек, а техника наша имела один неполный боекомплект. Зенитчики приспособили свои орудия с круговым обстрелом для ведения огня по танкам. Было ясно, что бой с гитлеровцами будет неравным и жестоким. Но, как всегда, держаться нужно было до последнего, в землю вгрызаться, чтобы дать возможность эвакуироваться раненым и штабным работникам с бесценными документами.

Батальон пограничников на оборонительном рубеже был не один, справа и слева по флангам находились подразделения восьмого стрелкового и второго механизированного корпусов. В ночь на 30 июля был отдан приказ на контратаку, но он запоздал – гитлеровцы ударили первыми...

* * *

Раннее утро последнего июльского дня 1941 года разорвала канонада немецких орудий. Артподготовка была серьезной, «фрицы» снарядов не жалели! Вот тут игодились ложные позиции, которые по всем правилам военного искусства подготовили саперы и пограничники. Страшный огневой вал впустую перекопал воронками украинский чернозем, «добил» и так уже неисправные пушки, разметал в пух и прах неказистые и безобидные деревянные макеты. Кто знает, может, те немецкие снаряды, что разорвались впустую, и уберегли кого-то от гибели...

А потом началось немецкое наступление. Полк эсэсовцев при поддержке тридцати танков из 11-й танковой дивизии по пшеничному полю пошел на позиции пограничников. Стальные траки гусениц «панцеров» подминали так и не успевшие вызреть колосья хлеба. Подкованные сапоги оккупантов с короткими голенищами топтали хлебную ниву.

Между танками катило около шестидесяти мотоциклов с пулеметами. Гитлеровцы старались плотным сосредоточенным огнем не дать высунуться из окопов пограничникам.

В тылу советских войск ударили орудия – начала свою сокрушительную работу артиллерия. Черные фонтаны взрывов вновь встали над полем боя, но теперь уже смертоносная рас-

каленная сталь обрушилась на гитлеровцев. Мощные ударные волны расшвыривали немцев, словно тряпичные куклы. Разлетались на обломки мотоциклы с пулеметами, в воздухе летали оторванные колеса и коляски – вперемешку с руками, ногами и головами оккупантов.

Открыли огонь и приданные пограничникам зенитчики из своих полуавтоматических 76-миллиметровых пушек. Эти орудия обладали довольно высокой скорострельностью – до двадцати выстрелов в минуту. От огня зенитчиков полыхнули сразу несколько танков гитлеровцев.

Пограничники в окопах все не стреляли. Каждый патрон был на вес золота, потому выданный неполный боекомплект берегли.

– Попусту патроны не выпускать! Подожди, пока поближе подойдут...

Каждый пограничник бил редко, но метко. Выстрелы из советских окопов и стрелковых ячеек слышались нечасто, но после каждого – падал очередной гитлеровец и уже, как правило, не поднимался.

* * *

Бой у деревни Легедзино длился уже четырнадцать часов. Пограничники стояли насмерть, сдерживая натиск превосходящих сил гитлеровцев. В поединке между советскими Погранвойсками НКВД и Ваффен-СС инициатива оставалась за воинами в зеленых фуражках.

Но силы защитников Легедзино таяли, все меньше оставалось бойцов, а те, кто еще держался, были ранены. Боекомплект, и без того неполный, расходовался с каждым патроном. Экипаж приданной бронемшины «БА-10» расстрелял все, как говорится, «до железки». Ответным огнем гитлеровских танков советский броневик был подбит и сожжен. Выбиты или остались без снарядов 76-миллиметровые полуавтоматические зенитки – они тоже свою задачу выполнили, превратив в костры полтора десятка немецких танков.

Брошена последняя граната, выстрелен последний патрон – во врага. Пограничники поднялись в рукопашную.

В этот критический для боя и для всей обороны села Легедзино момент комбат пограничников приказал бросить в атаку последний резерв – сто пятьдесят служебных собак.

Двадцать пять пограничников – инструкторов-кинологов, во главе со старшим лейтенантом Дмитрием Ермаковым и его замполитом, младшим политруком Виктором Хазиковым ждали команды. У каждого из них на поводках было несколько отлично тренированных служебных собак. За четырнадцать часов боя ни одна из овчарок ни разу не подала голоса: не залаяла и не завyla, хотя их ни разу не кормили, не поили, и все вокруг дрожало от артиллерийской канонады и взрывов.

Произошло невероятное: в тот самый момент, когда фашисты с победными криками бросились на пограничников, немцев атаковали служебные овчарки. Обгоняя друг друга, собаки с невероятной быстротой преодолели пшеничное поле и яростно набросились на гитлеровцев. За несколько секунд обстановка на поле боя резко изменилась. Советские боевые псы сбивали оккупантов с ног, рвали глотки, впивались мертвой хваткой. Даже смертельно раненные животные, которых расстреливали в упор, находили в себе силы последним в жизни рывком сомкнуть челюсти на горле врага!

Над полем битвы, кроме криков и стонов, стоял истошный собачий лай и рычание.

Пограничники вместе со своими четвероногими боевыми товарищами атаковали немецкую пехоту в рукопашном бою – стальными штыками и собачьими клыками! Даже если проводник-кинолог собаки был убит, то овчарка все равно не останавливалась, а продолжала рвать врага. Собака страшное оружие – она не отступит и не предаст своего хозяина.

Гитлеровцы дрогнули и побежали в ужасе от советских пограничников и их овчарок.

Пытаясь упредить контратаку советских пограничников, гитлеровцы перенесли на отступающие немецкие части огонь из орудий и минометов. Били по своим, чтобы не дать войнам в зеленых фуражках окончательно завладеть инициативой на поле боя. Вперед с ревом, поливая все перед собой пулеметным огнем, стреляя из пушек, пошли уцелевшие немецкие танки.

В этом бою погибли все пятьсот пограничников – ни один из них не сдался в плен. А уцелевшие собаки, по словам очевидцев – жителей села Легедзино, до конца остались преданными своим проводникам. Каждая из уцелевших в той мясорубке овчарок улеглась возле своего хозяина и никого не подпускала к нему. До последнего боевые псы скалились на врага, израненные, они продолжали бросаться на гитлеровцев.

Немецкие звери пристрелили каждую овчарку, а те из них, кого не подстрелили немцы, отказывались от пищи и умерли от голода на поле... Даже сельским собакам досталось – немцы расстреливали крупных собак селян, даже тех, кто был на привязи.

Лишь одна овчарка смогла доползти до хаты и упала у двери. Ее приютили, выходили, а по ошейнику на ней селяне узнали, что это были пограничные псы не только Коломыйской пограничной комендатуры, но и специальной школы служебного собаководства.

После того страшного и драматичного боя, когда немцы собрали своих погибших, по воспоминаниям жителей села, было разрешено похоронить и советских пограничников. Всех, кого нашли, селяне собрали в центре поля и похоронили, вместе с их верными четвероногими помощниками, в одной братской могиле...¹¹

А выжившая в том бою немчура до конца жизни, наверное, вздрагивала от любого собачьего лая!..

* * *

В 1955 году, спустя десять лет после Победы, в селе Легедзино было произведено перезахоронение останков пограничников в братской могиле возле сельской школы. А на окраине села, там, где и проходила единственная в мире рукопашная схватка советских пограничников и их служебных собак с гитлеровцами, был поставлен памятник.

«Остановись и поклонись. Тут в июле 1941 года поднялись в последнюю атаку на врага бойцы отдельной Коломыйской пограничной комендатуры. 500 пограничников и 150 их служебных собак погибли смертью храбрых в том бою. Они остались навсегда верными присяге, родной земле», – гласит памятная надпись.

Поэт Александр Журавлев написал стихотворение о том жестоком бое:

Легедзино, окраина села.
Война. Фашисты шли, как на параде.
Здесь в сорок первом Армия легла,
Оставив повесть о погранотряде.

Черкасчина, равнинные бои
Растёрли в пыль «слепую оборону».
Войска сдержать лавину не смогли.
Колокола готовы к перезвону.
Тут на пути германского катка
Поднялись в рост зелёные петлицы.

¹¹ По материалам А.И. Фука «Быль, ставшая легендой: Отдельная Коломыйская пограничная комендатура в боях с фашистскими захватчиками. [Воспоминания]». – Ужгород; Карпаты, 1984.

Эх, как ты, жизнь, ничтожно коротка!
За Родину!.. И покатились фрицы.

Неравный бой. Застава полегла.
Пятьсот бойцов погибло в жаркой драке.
А тут иного быть и не могло...
Но на врага вдруг ринулись собаки...

Сто пятьдесят родных служебных псов
Шли в контратаку, в лоб, не зная страха.
А бег их был прекрасен и суров.
Эх, тяжела ты, шапка Мономаха!..

Сто пятьдесят собак порвали полк
Непобедимой вражеской пехоты.
Всё понимая, выполнили долг
Бойцы резерва из хвостатой роты.

Река – Синюха, памятник, цветы.
Две стелы рядом – людям и собакам.
А на полях – прогнившие кресты,
Холмы врагов, покрывшиеся мраком.

Глава 3

«Работа над ошибками»

Собственными руками взрывать родной город – незавидная участь. Но другого выхода не было. Нужно было подорвать доменные печи Metallургического завода имени Сталина – главного промышленного предприятия, давшего жизнь Донецку, а по нынешним временам – Сталино. Даже перед лицом гитлеровской угрозы здесь выпускались корпуса снарядов, авиабомб, минометных мин. Сваривали из рельсов и других металлоконструкций противотанковые ежи, изготавливали бронеколпаки для пулеметных гнезд.

Восемнадцатого октября последний эшелон с эвакуированным оборудованием заводов города Сталино дал прощальный паровозный гудок. Локомотив в клубах дыма и пара тянул вагоны и платформы на восток, в глубокий тыл. Может, в далекую Карагандинскую область, а может быть, и на Урал – в город Карпинск Свердловской области. Там, в эвакуации, на спасенных донецких промышленных предприятиях будет развернуто новое производство военной техники.

А уже девятнадцатого октября немцы ворвались в поселок Рутченково – пригород Сталино. От самого города – километров двадцать. В шахтерской столице уже шли уличные бои, поредевшие и обескровленные части 383-й шахтерской стрелковой дивизии вместе с подразделениями 12-й и 18-й армии Южного фронта цеплялись за каждую улицу, каждый перекресток, каждый дом. Израненные солдаты яростно огрызались, но было уже понятно – город не удержать...

* * *

Дымно-огненные фонтаны взрывов вздымались уже в самом городе. Над Сталино с воем носились пикировщики с крестами на крыльях. «Юнкерсы» выкашивали все живое с бреющего полета огнем пулеметов, сыпали мелкие осколочные бомбы, прицельно сбрасывали фугаски, с легкостью крушившие баррикады оборонявшихся и укрепленные в зданиях позиции.

Отбиваться было уже практически нечем. Патроны были на исходе, противотанковые пушки погибли все – вместе с расчетами. Что поделать, «сорокапятка» – «прощай, Родина»! Оставались только противотанковые гранаты да бутылки с зажигательной смесью.

Многоопытный Ракитин убедил командира комендантской роты в последние дни надевать побольше этой адской огненной смеси. Этими «огненными бутылками» отбивались в основном от бронетранспортеров гитлеровцев. Опять же, и танков у немцев было на удивление мало, да и те, что имелись, оказались слабоваты. Все ж только 1941 год – до «синявинской и курской премьер» тяжелых «тигров» и «пантер» оставалось еще почти два года. А вот броневики и легкие пулеметные танки «коктейли» жгли прекрасно!

Особенно эффектно у Ракитина получилось уничтожить полугусеничный гитлеровский броневик с труднопроизносимым названием «Зондеркрафтфарцуг-251». Бронированный гроб с пулеметом медленно полз по улице. А за ним, прикрываясь клепаной сталью бортов, осторожно продвигались пехотинцы в серых мышиных мундирах с серебряными галунами.

Пулеметчик за броневым щитком бил вдоль улицы длинными очередями из «MG-34», искристые трассеры секли стены домов, выбивали стекла, рикошетили от булыжной мостовой.

Солдаты комендантской – теперь уже бывшей комендантской – роты заняли оборону на втором этаже полуразрушенного жилого дома. Оттуда, со второго этажа, Ракитин и метнул вниз пару бутылок «огненного шнапса» проклятым «фрицам». Полугусеничный броневик с крестами на броне был не прикрыт сверху – «коктейль Молотова» рванул вверх огненным

фонтаном, мгновенно уничтожив всех, кто находился в защищенном от пуль кузове. Взорвались гранаты, разворотив «стальной гроб» изнутри. Ударная волна повалила и контузила много немцев вокруг.

Красноармейцы наверху открыли по уцелевшим врагам ураганный огонь. Трещал-надрывался в руках Виктора Ракитина верный «дегтярь», рядом лупил так, что чуть барабанные перепонки не полопались, «ППШ» командира роты. Отрывисто били карабины Мосина.

Ракитин переключил огонь на одиночные и теперь точными «двойками» – спаренными выстрелами – валил оккупантов. Он прошел курсы тактической стрельбы и не раз участвовал в боях за Донецк – в других временах и в не менее страшной реальности. Здесь его навыки оказались просто бесценными. Вот он точным выстрелом в ногу «подсек» одного из гитлеровцев, следующие два выстрела пришлось оккупанту в грудь. Рядом взметнулась кирпичная крошка от ответной стрельбы. Виктор перекатом ушел в сторону, успев цепким взглядом засечь стрелявшего. И тут же – с колена, поразил его выстрелами в живот. Старший сержант-пограничник, а «в прошломбудущем» – боец спецназа Государственной безопасности ДНР, прекрасно знал, что в суматохе боя нужно целиться не в голову, а по фигуре. Так больше шансов поразить цель. Кстати, и стрелять лучше одиночными, так точнее, и боекомплект расходуется более умеренно. Мощные патроны «ТТ», которые использовались в пистолете-пулемете, уверенно поражали цели и на двухстах метрах, а благодаря тяжести оружия отдача была не слишком заметна.

– Вот и по квитались с немчурой за родной город! Уходим, славяне, а то «фрицы» сейчас этот дом с землей ровнять начнут, – приказал старший лейтенант Ерохин. И придержал Ракитина за плечо. – Отлично стреляешь, хладнокровно.

– Спасибо.

Командир оказался прав: как только солдаты комендантской роты отошли за развалины, послышался противный вой, который издают минометные мины на подлете. Позади взвились дымные фонтаны взрывов, засвистели осколки. Бойцы уже привычно попадали, прячась от разящей смерти. От истошного воя над головами до грохота взрывов проходит обычно пятнадцать-двадцать секунд. От этих мгновений зависит жизнь.

* * *

Гитлеровские войска теснили защитников города к окраинам. Уже был захвачен центр и Металлургический завод имени Сталина. Оккупанты стремились быстрее захватить важное промышленное предприятие и по возможности – максимально не поврежденным, чтобы снова ввести его в эксплуатацию. Но разрозненные группы попавших в окружение красноармейцев все же продолжали сопротивление. По ночам советские солдаты бросались в самоубийственные атаки, гибли с честью и тем держали в постоянном напряжении гитлеровцев.

В таких жестоких схватках особенно отличилась комендантская рота под командованием старшего лейтенанта Ерохина. Но – дорогой ценой. От подразделения осталось всего два десятка бойцов. Многие и сам командир были ранены.

В один из дней возле наспех вырытой землянки, в которой ютились остатки комендантской роты, остановилась потрепанная «полуторка». Из кузова грузовика прямо в грязь выпрыгнул щеголеватый молодой майор Госбезопасности. Вход в палатку ему преградил часовой.

– Что ж, похвально, – оценил уровень дисциплины прибывший офицер. – Я майор Кочетков. Вызовите командира. У меня для него – срочный приказ.

– Есть, товарищ майор.

* * *

Командир, старший лейтенант Ерохин, и старший сержант Ракитин как его заместитель отправились на армейском грузовике в штаб дивизии. Совещание было закрытым и довольно коротким.

– Во время отступления из Сталино, товарищи, ключевые объекты металлургического завода были заминированы. Но, по уточненным данным, сработали они не все. Две доменные печи остались невредимы. Нужно во что бы то ни стало вывести их из строя. Подготовлены четыре заряда взрывчатки. По десять килограммов каждый. Заряды закладываются в коренные желоба в основании доменных печей. По ним расплавленный чугун стекает в ковши. Если подорвать заряды, то доменная печь выйдет из строя.

– Сколько времени отводится на проведение диверсии? – спросил старший лейтенант Ерохин.

– Двое суток.

– Это невозможно! Скрытно проникнуть фактически в центр контролируемого гитлеровцами города, а потом еще и на охраняемую территорию важнейшего для них завода?! А потом еще и установить взрывчатку! – категорически заявил командир роты.

– Разрешите, товарищ майор? – вмешался в разговор Виктор Ракитин. – Какими ресурсами мы, то есть вы располагаете?

– Ресурсы – практически неограниченные. Главное – время. Через двое суток все подразделения Красной Армии отойдут от города на оборонительный рубеж по реке Миус. Город будет потерян окончательно.

– Нужны три немецких мотоцикла, форма полевой жандармерии, оружие, документы и еще – грузовик. Лучше – немецкий «Опель-Блитц», но сойдет и наша «полторка», только чтобы кузов был с тентом.

– Что вы предлагаете, товарищ старший сержант?

– Переодеваемся немецкими полевыми жандармами, ну, там – кожаные плащи, бляхи, шлемы с очками. На трех мотоциклах с колясками, якобы конвоируем машину с важным грузом. Воспользуемся бардаком и неразберихой в городе. Мы ж ведь сами – комендантские, сойдем и за немецкую комендатуру. Нам бы человека два-три, которые бы «шпрехали» исправно и более-менее нормальные «аусвайсы».

– Будут и переводчики, и немецкие документы, – кивнул майор Кочетков. – Дальше что?

– Разгоняем грузовик и взрываем его на проходной завода – к едрене фене! Это отвлечет внимание «фрицев». Через другую проходную в это время прорываемся мы, на двух мотоциклах с зарядами взрывчатки. Прямоком к доменным печам, а там – закладываем заряды, куда надо, и рвем к чертовой матери! Воспользуемся неразберихой после диверсии и уйдем.

– Хм, звучит так, будто этот план придумал сам Павел Судоплатов!¹² – одобрил майор. – Виктор Иванович, не хотите лично возглавить операцию, как ее главный разработчик?

– Никак нет, товарищ майор. У меня есть командир – это старший лейтенант Ерохин.

– Хорошо, отберите людей и переведите их сюда. А потом – обедать и отдыхать! Часа четыре я вам на сон выкроить сумею.

¹² Павел Анатольевич Судоплатов (7 июля 1907, Мелитополь – 24 сентября 1996, Москва) – советский разведчик, диверсант. Лично ликвидировал руководителя ОУН Евгения Коновальца. Во время Великой Отечественной войны, возглавляя 4-е управление НКВД, участвовал в организации диверсионной деятельности против немецких войск, стратегических «радиоигр» с немецкой разведкой. Возглавлял отдел, обрабатывавший информацию о разработке атомной бомбы в США.

* * *

Лежа на жестких дощатых нарах в блиндаже, Виктор Ракитин размышлял. Что может сделать он, провалившись нежданно-негаданно сквозь бездну в шесть с лишним десятилетий? Вокруг – все другое! Нравы, привычки, даже речь людей. Даром что по-русски говорят. Хорошо еще, выручает профессиональная эрудиция студента-историка. Да и то...

Ну, да ладно. Выжить-то он тут все же сумеет. Неизменной что здесь, в 1941 году, что там – в 2016-м, остается война. Жестокая и яростная война против фашистов, нацистов, украинских националистов – бандеровцев. Что может он в этом мире, вооруженный знаниями и, что самое главное, – боевыми навыками, которые опережают время больше, чем на полстолетия? Тактическая стрельба, рукопашный бой, тактико-специальная подготовка, радиосвязь. Обобщенный опыт противопартизанской борьбы, начиная от Афгана и Чечни до, собственно, боев против бандеровцев на Донбассе. В принципе – немало!

Войну на Донбассе студент исторического факультета Донецкого национального университета считал своеобразной «работой над ошибками» после предательства советских партийных руководителей и распада СССР в 1991 году. Тогда ему было всего-то десять лет и, естественно, ни на что он повлиять еще не мог. Хотя детским разумом понимал, что эра счастливого детства закончилась. Подростковая ломка стереотипов у Виктора Ракитина, как и у сотен миллионов его сверстников по всему уже бывшему СССР, совпала с переломным периодом в обществе – «лихими девяностыми». Юношеский максимализм и время, когда еще вчера «ничего нельзя», а сегодня – «можно все», вот это зажигательная смесь, покруче «коктейля Молотова»!

Позднее пришло понимание, что огромный народ великой страны очень круто обманули. Мягко говоря... Появилась потребность разобраться – это и стало причиной поступления Виктора на исторический факультет. Из того, что он увидел в дальнейшем, Ракитин уяснил, что и радикальный украинский национализм вырос из резко антисоветского восприятия исторических фактов и событий. Он лично знал одного студента, учившегося с ним на одном потоке, который именно через книги предателя Резуна/Суворова пришел к идеям украинского национализма и оправдания бандеровщины¹³.

Русскую весну 2014 года и последовавшие за ней события Виктор Ракитин воспринял как своеобразную «работу над историческими ошибками», допущенными и в «стыдливые восьмидесятые», и в «бесстыжие девяностые».

А вот нынешние украинцы и во второй раз, с 1991 года, не смогли не предать свою родину – СССР, Украинскую Советскую Социалистическую Республику. Поэтому и оказались снова под пятой кучки «отмороженных» кровавых палачей с трезубцами на красно-черных знаменах и Степаном Бандерой в роли иконы. И потому ничего, кроме брезгливой жалости, как к зачумленным, Виктор к ним не испытывал. Что поделать, история – наука более точная, чем математика, и более безжалостная, чем биология!

С такими мыслями старший сержант Погранвойск НКВД Ракитин и уснул.

Проснувшись, Виктор уже абсолютно четко воспринимал свои задачи здесь – в этом времени и в этом мире. Он продолжит «работу над историческими ошибками», но только – на качественно новом уровне! Ракитин решил бороться с самой основой того зла, которое, как всегда – с Запада, пришло на его родной Донбасс в 2014 году. Теперь его задача – дожить до 1944 года и лично уничтожить бандеровскую сволочь в карпатских лесах!

Конечно, он задумывался над тем, что уже давно описали такие знаменитые фантасты, как Герберт Уэллс, Рэй Бредбери и многие другие. Речь, конечно же, идет о проблеме вме-

¹³ Реальный случай, произошедший с автором.

шательства в хронологию событий. И здесь Виктор Ракитин чувствовал себя доном Руматой Эсторским из прекрасного произведения Аркадия и Бориса Стругацких «Трудно быть Богом». Там герой, вооруженный передовыми знаниями «прогрессорства», оказывается в темном мире средневекового мракобесия. Но, в отличие от дон Руматы, Виктор Ракитин пребывал в отнюдь не идеализированных условиях – война «там» и война «здесь» для него стали обыденностью. Потому и не было у него сомнений в правильности вмешательства в ход исторических событий здесь, на земле пылающего Донбасса в 1941 году. Задолго до того, как сюда снова более чем полвека спустя придут новые фашисты и бандеровские каратели, Виктор Ракитин будет использовать все доступные ему знания и навыки ради главной цели – победы над врагом человечества!

Ракитин будет давить бандеровскую нечисть прямо в их карпатских волчьих схронах!

Глава 4

Операция «Месть металлургов»

Потрепанная военными дорогами «полуторка» с черными крестами на дверцах и раскрашенным серо-зелеными полосами тентом неспешно катила к Сталино в сопровождении трех мотоциклов фельджандармерии. На колясках были установлены пулеметы «MG-34», лица мотоциклистов в тяжелых кожаных плащах и со стальными бляхами на груди были скрыты от грязи из-под колес массивными очками и шарфами.

На въезде в город был оборудован временный пост. Сторожевые будочки, где мерзли на осеннем ветру полевые жандармы, полосатые шлагбаумы, а рядом – похожий на гроб полугусеничный бронетранспортер «Ханомат-251». За броневым щитком скучал пулеметчик.

– Halt! – взмахнул жезлом фельджандарм у шлагбаума. – Geben Sie mir Ihre Papiere¹⁴.

– Nehmen, Comrade¹⁵, – дружелюбно улыбаясь, ответил майор Кочетков. Он ехал вместе с водителем.

Расчет диверсионной операции строился еще и на том, что «своих» полевые жандармы особенно дотошно проверять не будут. К тому же все прекрасно осознавали размеры той неразберихи, которая царит в армии при перемещении огромных масс людей и техники. Тут на своем бы участке управиться, обеспечить безопасность дорожного движения, когда в обе стороны снуют не только армейские грузовики, штабные легковушки, телеги, запряженные лошадьми, но и неуклюжие танки с полугусеничными тягачами.

Оружие решили использовать только автоматическое, отказавшись от громоздких и неудобных винтовок. Причем Ракитин и старший лейтенант Ерохин оставили свои «дегтярь» и «шпагин» вместе с пистолетами «ТТ». Немцы частенько вооружались трофейными пистолетами-пулеметами и ценили их за огневую мощь и большую емкость вместительных дисковых магазинов. Тот же пистолет-пулемет Дегтярева «ППД-40» в немецкой армии обозначался как «Maschinenpistole 715 R». А надежные советские пистолеты «ТТ» практичные немцы поставили на вооружение в Вермахте и полиции под обозначением «Pistole 61 R».

– Eine Zigarette wird nicht gefunden?

– Nehmen Sie die ganze Packung! – Майор Госбезопасности поправил на груди фельджандармскую бляху. Из-за этого характерного горжета на груди полевую полицию прозвали в Вермахте «Kettenhund» – «Цепные псы». – Hängen Sie noch hier unter dem russischen verfluchten regen um¹⁶.

– Danke! – фельджандарм взмахнул жезлом. – Dokumente um. Gehen Sie durch!

Виктор старался поменьше смотреть по сторонам и вообще – не встречаться взглядом с немцами. Мерзкий холодок между лопатками щекотал натянутые, как струны, нервы. Казалось, что советских диверсантов уже вычислили и просто играют с ними, как кошка с обреченной мышью. В один момент Виктору вообще стало не по себе – он вдруг представил, что всего лишь играет в каком-то сумасшедшем театре абсурда. Гигантским усилием воли Ракитин заставил держать себя в руках, вполне четко осознавая, что эти вот «артисты» вмиг наделают в нем дырок, прознав, с какой целью заявись в оккупированный город советская диверсионная группа. Старый, «с бородой по пояс», анекдот: «Штирлиц шел по Берлину и не понимал, что же выдает в нем советского разведчика – то ли волочащийся за спиной парашют, то ли шапка-ушанка с красной звездой», – уже не казался Виктору смешным.

¹⁴ Стоять! Предъявите ваши документы (нем.).

¹⁵ Возьми, дружище (нем.).

¹⁶ Сигарет не найдется (нем.).Бери всю пачку! Вам еще тут торчать под проклятым русским дождем (нем.).

Наконец, контрольно-пропускной пункт остался позади, и грузовик в сопровождении трех мотоциклов с колясками въехал в уже оккупированный гитлеровцами Сталино. Много домов было разбито авиабомбами и снарядами, некоторые улицы пересекали завалы и остатки баррикад, кое-где еще пылали пожары. Город просто так не сдался на милость оккупантов, и диверсанты в очередной раз решили это доказать.

Металлургический завод находился фактически в центре Сталино, над двух – и трех-этажной застройкой высоко поднимались мартеновские трубы и высоченные доменные печи.

Непосредственно перед заводом группа разделилась. Грузовик покатил к центральной проходной. А мотоциклы сосредоточились возле здания городского универмага – неподалеку располагалась еще одна заводская проходная.

– Теперь будем ждать взрыва, – приказал старший лейтенант Ерохин.

* * *

На другой проходной потрепанная «полуторка» затормозила со скрежетом. Из кабины выбрались шофер и сопровождающий. Шофер закурил и привычно полез под капот грузовичка. А сопровождающий майор Кочетков в форме полевого жандарма и с погонами обер-фельдфебеля подошел к посту у ворот металлургического завода. Там дежурили два фельд-жандарма с карабинами. Сопровождающий предъявил им «аусвайс» и завязал какой-то ни к чему не обязывающий разговор.

– Kann ich übergeben? – Могу ли я проезжать? – поинтересовался Кочетков.

– Nein. Siehe, ich fuhr ein Lastwagen voller Sprengstoff. – Нет. Видишь, подъехал грузовик со взрывчаткой, – осадил его один из часовых.

К воротам и правда подъехал тяжело груженный «Опель-Блитц». На бортах кузова были нанесены красные значки взрывоопасного груза. «Подфартило-то как!» – подумал майор Кочетков.

– Gut. Ich werde an die Reihe im Auto warten. – Хорошо. Я буду ждать своей очереди в машине, – ответил Кочетков.

Вокруг была та самая военная неразбериха. Гитлеровцы торопились занять важный промышленный центр – столицу Донбасса. А особенно – Сталинский металлургический завод имени Ленина. Вот – главный трофей! И дело тут не только в выплавке чугуна и стали, но и в достаточно серьезном оборудовании, которое не все успели взорвать или вывести из строя отступающие части Красной Армии. Да и заново оснастить трофейными станками производственные площадки цехов тоже не составляло особого труда. А цеха эти были необходимы, в том числе и для ремонта поврежденных танков и бронетранспортеров Панцерваффе. Потому-то у проходной завода и творилось вавилонское столпотворение.

Закончив возиться с двигателем «полуторки», шофер прикурил очередную сигарету и полез в кабину. Пошуровав там, он выбрался обратно и как-то незаметно отступил за другие грузовики.

* * *

Ярчайший огненный фонтан в адском грохоте взвился к небу! Ударная волна тяжким молотом ударила по округе, вышибая стекла даже в дальних домах. На проходной завода зияла огромная, метра три в диаметре, воронка. Вокруг нее были разбросаны обгоревшие обломки автомобилей и фрагменты тел. Чуть дальше стонали раненые, их при таком взрыве было совсем немного.

– А вот и наш сигнал! – От взрыва заложило уши даже здесь, на другом конце завода. – Заводи!

Ряженные фельджандармы запрыгнули на мотоциклы и на большой скорости понеслись к проходной завода.

– Ab sofort verpassen! Die Anlage sind russische Diversanten! – Немедленно пропустить! На заводе находятся русские диверсанты! – проорал один из тех самых «russische Diversanten» оторопевшей охране на проходной.

Те и рады стараться! Ворота распахнулись как по волшебству. Не сбавляя скорости, три мотоцикла с пулеметами понеслись по мощеной дороге прямо к доменному цеху. Спутать тут было невозможно – четыре чугунолитейные печи возвышались над длинными кирпичными зданиями цехов. Три мотоцикла прошмыгнули прямо под носом маневрового паровоза, который натужно тянул вереницу шлаковозных ковшей. Локомотив возмущенно засвистел и выпустил клубы пара из-под буks.

– Твою мать! Не гони так сильно! – прокричал старший лейтенант Ерохин.

– Ниче, раньше смерти – не помрем! – залихватски выкрикнул Ракитин.

Мотоциклы остановились возле доменных печей. Ряженные фельджандармы достали из колясок десятикилограммовые тюки со взрывчаткой.

Ракитин передернул затвор пистолета-пулемета Дегтярева, досылая патрон. Глянул направо, где вздымались над центральной проходной Сталинского завода черные клубы дыма. По всему предприятию сновали автомобили, слышались истошные гудки, забористая ругань и лающие окрики гитлеровцев. Рабочие чугунолитейной печи высыпали наружу, чтобы лучше разглядеть, что там стряслось на проходной... В толпе доменщиков – горновых, газовщиков, каталей – слышались ехидные комментарии.

– Поперек глотки станет фрицам наш Сталинский завод!

– Ага, уже получили сверх плана новое сырье – крупновский металлолом на переплавку! – прокомментировал плечистый парень в войлочной шляпе горнового с приделанными к полям темными очками и в брезентовой куртке.

– Ну, ты – молчать!... – замахнулся на него предатель-управляющий из новой немецкой администрации.

– Сам рот закрой, шкура фашистская!

Виктору Ракитину и самому хотелось от души припечатать прикладом «дегтяря» по физиономии гитлеровского прихвостня. Но нужно было сыграть свою роль фельджандарма до конца и выполнить задание. Появление возле доменного цеха трех мотоциклов немецкой полевой жандармерии выглядело абсолютно логично.

– Вперед! Первая группа – на одну доменную печь, вторая – на другую. Третья группа прикрывает. У нас – две минуты, время пошло! – вполголоса скомандовал старший лейтенант Ерохин и передернул затвор «ППШ».

В суматохе, создавшейся после взрыва, немецкий прихвостень кинулся к фельджандармам. Нужно было пользоваться моментом.

– Halt! Мы прибыть охраняйт доменный печ. Всем оставайс здесь. Мы проходить внутрь! – намеренно коверкая русские слова, произнес старший сержант Ракитин.

Вместе с двумя бойцами, у которых за плечами были ранцы с подрывными зарядами, они забрались наверх по высокой и крутой металлической лестнице.

Пройдя внутрь, Ракитин довольно ощутимо приложился головой о какой-то трубопровод, проходящий под низким потолком. Хорошо – защитила немецкая каска. Внутри литейного двора было как на подводной лодке: тесно, везде – непонятные приборы и металлоконструкции, переплетения кабелей и трубопроводов. Неяркий свет ламп в металлической оплетке едва разгонял темноту. Пройдя еще несколько десятков шагов, диверсанты оказались у основания огромной доменной печи. Под высоким потолком размещался электромостовой кран с массивным крюком на поперечной клепаной кран-балке и металлической будкой кабины. У основания доменной печи располагались заглушенные сейчас отверстия – чугунные

летки. По ним и вытекал расплав, словно лава из рукотворного вулкана. Но сейчас жерло этого вулкана было потушено. На печи велись сложные ремонтно-восстановительные работы, чтобы снова запустить ее в производство.

– Закладывайте заряды, я прикрою, если что... – Ракитин поудобнее перехватил автомат.

Подрывники скинули с плеч ранцы с зарядами и приладили их к заглушенным отверстиям чугунных леток. Дернули терочные запалы. Зашипели-задымили бикфордовы шнуры, отмеряя мгновения до неизбежной детонации мощной взрывчатки. От нее огнеупорная кладка печи из специального магнезитового кирпича будет разрушена, и восстановить ее станет весьма проблематично. Проще новую доменную печь построить!

– Заряды заложены.

– Ходу!

Ряженные полевые жандармы быстро спустились по металлической лестнице. Старший лейтенант Ерохин был уже здесь.

– Фсе с доменный печ идти помогать на проходная! Schneller! – приказал фельджандарм.

Для убедительности Рошин потряс автоматом. Рабочие, хоть и с неохотой, побежали исполнять приказание.

Ряженные полевые жандармы оседлали своих стальных коней и на полной скорости устремились в противоположную сторону. Минуты не прошло, как позади грохнули приглушенные взрывы. Они были не столь эффектны, как филиал преисподней в миниатюре у центральной проходной завода. Но для двух доменных печей эти взрывы имели решающее значение – заряды разрушили огнеупорную кирпичную кладку в основании и полностью вывели из строя базовое – чугунолитейное производство.

На уцелевшей проходной неподалеку от центрального городского универмага творилась суматоха. Подъезжали грузовики с немецкими солдатами, трещали мотоциклы фельджандармов, ревел двигателем полугусеничный бронетранспортер. Пожарная машина и фургон «Скорой помощи» отчаянно сигналили, но все же не могли пока проехать к проходной. Солдаты в серых, мышиного цвета, шинелях выстраивались на небольшой площадке. Сквозь гул двигателей и металлический лязг слышались резкие окрики немецких офицеров.

– Вот тебе и Neuer Ordnung! «Новый порядок», е... елку им за воротник! Забегали, как тараканы... – хмыкнул Виктор Ракитин.

– Эх, сейчас бы еще и «языка» взять! – вздохнул старший лейтенант Ерохин.

– Не положено, нужно возвращаться к точке встречи с майором Кочетковым, возле здания бывшей школы для детей управляющих заводом¹⁷.

В суматохе три мотоцикла с ряженными «фельджандармами» без труда выскользнули из западни.

К месту встречи подъехали вовремя, его изменить нельзя. Позади здания, на поросшем густыми кустами склоне диверсантов дожидался майор Кочетков вместе с водителем взорванной «полуторки». После доклада об успехе операции стали решать, как выбраться из города.

– Сейчас введут запрет на выезд из города в связи с диверсией. Проехать можно будет только по специальному пропуску, да где его взять? – сокрушался майор Кочетков.

– Как где – в комендатуре! – ответил Виктор. – Все логично.

– Ты с дуба рухнул, Ракитин?! – осадил было его старший лейтенант Ерохин.

– Погоди, пусть договорит, – перебил его майор.

– Мы сейчас одеты как жандармы. Конечно, городская управа и гестапо на первой линии¹⁸ нам явно не по зубам. Но ведь можно атаковать одну из районных комендатур. Сейчас все силы гитлеровцев стянуты к заводу, на местах остались только часовые и штабные офицеры. Подъ-

¹⁷ Ныне – бывшее здание банка на улице Ивана Ткаченко в Донецке.

¹⁸ Сейчас – улица Артема. Городская управа и гестапо размещались в нынешнем здании гостиницы «Донбасс Палас».

езжаем к ближайшей комендатуре и устраиваем «шухер»! Захватим оперативного дежурного комендатуры, он должен быть в чине не ниже гауптмана – капитана то есть.

– Дельный план! – кивнул старший лейтенант Ерохин. – Комендатура находится здесь недалеко – рядом с заводом Боссе.

Коренной дончанин Виктор Ракитин знал, что этот поселок, а впоследствии – и район города вокруг завода был назван по наименованию расположенного там чугунолитейного завода Боссе и Геннефельда.¹⁹ В 1889 году немецкий промышленник с франко-бельгийскими корнями Эдуард Теодор Боссе вместе с компаньоном Рудольфом Геннефельдом организовал машиностроительное предприятие, которое и дало такое необычное для русского города название.

А 22 января 2015 года бандеровские каратели обстреляли из минометов этот район, убив девять человек. Мины разорвались утром, в час пик, в непосредственной близости от переполненного людьми троллейбуса городского маршрута № 17. В это же время рядом с конечной остановке подъезжал трамвай маршрута № 3. Бандеровские изуверы, открывшие огонь по мирным жителям, не сомневались – жертв будет много! Все это прекрасно помнил Виктор Ракитин, тогда он служил в донецкой комендатуре.²⁰

«Вспомнив о будущем», Ракитин крепко сжал зубы и заиграл желваками. Как же он мечтал поquitаться с бандеровцами и в этом мире, и в этих временах!

– Витя, ты чего?..

– Ничего, все нормально, едем.

Комендатура возле чугунолитейного завода Боссе и Геннефельда располагалась в двухэтажном каменном здании. Серая массивная постройка была отмечена двумя штандартами со свастикой. Над входом раскинул крылья бронзовый имперский орел – тоже со свастикой. Рядом стояло несколько легковых автомобилей и мотоцикл с коляской с эмблемой полевой жандармерии. Трое «фрицев», в тяжелых кожаных плащах и касках, с металлическими бляхами на груди, курили и неторопливо разговаривали о чем-то своем. Все остальные уехали на металлургический завод – ловить «russische Diversanten». А их оставили охранять пустующую комендатуру. Отсутствие начальства кроме дежурного офицера и его помощника – что еще нужно солдату для счастья?..

У дверей фельджандармам молча завидовали двое часовых, застывших по стойке Stillgestanden! – «смирно». Серая шинель, стальная каска, патронные подсумки, карабин Маузера за плечами, гранатная сумка, саперная лопатка – все снаряжение по уставу.

На три мотоцикла полевой жандармерии, которые подъехали к зданию комендатуры, ослабленные «коллеги» поначалу не обратили ровным счетом никакого внимания. Ну подумаешь, вернулись фельджандармы с задания...

А потом события приняли совершенно неожиданный оборот. Подъехавшие мотоциклисты направили на здание комендатуры пулеметы и ударили залпом. Три «косы смерти» «MG-34» прошлись по окнам первого и второго этажей в темпе около тысячи выстрелов в минуту! Все трое дежурных фельджандармов и двое часовых были просто изорваны пулями.

Под прикрытием огня пулеметов Виктор Ракитин вместе со старшим лейтенантом Ерохиным прорвались внутрь. Автоматным огнем подавили пост внутри здания и ворвались в коридоры комендатуры.

– Где может сидеть дежурный?!

– Скорее всего, на первом этаже возле оружейки.

Из кабинета выскочил молодой немец в офицерской форме с автоматом «MP-40», но Ракитин успел скосить его короткой очередью пистолета-пулемета Дегтярева. Треск очереди

¹⁹ Ныне – завод «ДНР-Донецкормаш».

²⁰ По личным воспоминаниям автора.

привычно ударил по ушам, в коридоре остро запахло пороховой гарью. Прошитый навывлет «фриц» ничком повалился на пол, под ним начала расплзаться лужа крови.

– Это не оперативный дежурный?

– Нет, вряд ли – слишком уж молодо выглядит. Наверное, или помощник оперативного, или адъютант какой-нибудь...

– Двигаемся дальше, только осторожно.

Развернувшись, Виктор взял на прицел лестницу на второй этаж. Двое переодетых в форму полевой жандармерии диверсантов контролировали коридор первого этажа.

– Ракитин, Иванов – проверьте второй этаж. Пройдите по кабинетам, соберите документы.

– Есть. Иванов, прикрой меня.

Виктор облизнул пересохшие губы и поудобнее перехватил тяжелый автомат. Медленно и осторожно он пошел по ступенькам вверх. Над головой гулко ударили выстрелы из винтовок Маузера, едва только Ракитин приподнял голову. Но он был готов к такому повороту событий и кубарем скатился по ступенькам.

– Вот гады! Дай очередь в потолок, – попросил Ракитин своего напарника.

– Сейчас сделаем! – Иванов саданул пару очередей из немецкого пистолета-пулемета «МР-40». Посыпалась штукатурка и какая-то труха.

В это время Виктор достал из-за ремня немецкую гранату-«колотушку» на длинной ручке, свинтил предохранительный колпачок на торце рукоятки и дернул шнурок терочного запала. Граната улетела наверх и гулко хлопнула в коридоре. Ракитин одним рывком преодолел лестничный пролет, дал короткую очередь из «дегтяря» и сразу же отпрыгнул в сторону.

Вовремя – позади него раздались хлопки пистолетных выстрелов. Обернувшись, Ракитин вслепую дал короткую очередь. После выстрелов и взрыва гранаты на втором этаже стоял сизый пороховой дым. Попал – из сизой пелены вывалилось тело в немецком офицерском мундире с витыми погонами на плечах. В одну сторону полетела фуражка, в другую – выпавший из мертвой ладони «Парабеллум».

В коридоре напротив лестницы за опрокинутым столом с продырявленной пулями столешницей, неестественно вывернутые, словно переломанные куклы, лежали два трупа гитлеровцев. Их взорвал гранатой и расстрелял Ракитин, когда ворвался на второй этаж. В воздухе витал тяжелый запах крови, смешиваясь с пороховой гарью.

– Иванов, за мной! – позвал Виктор.

На втором этаже было несколько дверей кабинетов. Вместе они быстро проверили кабинеты. Ракитин передавал напарнику кипы каких-то бумаг, а тот совал их в объемистую брезентовую сумку. Может, в разведке и выудят из всех этих документов ценную информацию.

Внезапно на первом этаже грянули выстрелы. Виктор вместе с напарником кинулись вниз, держа автоматы наготове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.